

*Из воспоминаний участника
Великой Отечественной войны
Дмитрия Тимофеевича Завидова*

«ЮНОСТЬ-ОГНЕВАЯ»

20 июня 1941 года наша группа сдала последний экзамен. Не дожидаясь распределения, во второй половине 21 июня я прибыл домой, чтобы порадовать родителей успешным окончанием учебы. Не только наша семья радовалась, радовались и соседи: сельский парень получил специальность. Все хотели знать, кем я теперь буду. Они думали, что я уже директор завода, другие не соглашались: ум то может и есть, но еще годами не дорос, молод еще, пусть поработает бригадиром.

Во второй половине дня 22 июня (было воскресенье) до жителей нашего поселка дошла страшная весть; началась война. Настроение мгновенно упало и у старых, и у малых. Казалось, что жители нашего поселка стали другими людьми. Прекратилось всякое веселье и, в буквальном смысле, сами собой полились слезы.

На другой день, в понедельник, в наш поселок явились работники райвоенкомата и стали вручать повестки о призыве в армию всем мужчинам, состоявшим на воинском учете. В тот тяжелый и горький день всюду был слышен стон и плач. Провожали отцов, мужей, братьев не просто в армию, а на войну.

Во вторник я получил телеграмму срочно явиться в училище. В нашей семье призывать в армию кроме меня никого не было. Мне пошел девятнадцатый год, брату Ване нет еще и 16, а отец не годен по зрению. Полученную телеграмму считали бумагой-повесткой: явиться в военкомат, а там и на войну. Снова слезы и лились они еще больше, чем тогда, когда уезжал на учебу. Мне и самому думалось, как только появлюсь в училище, сразу пошлют в военкомат.

Но вот я в своем учебном заведении. Нет среди сверстников шутников, нет улыбок и смеха. Кругом хмурые лица, во взглядах печаль и горечь. Все ждут, что с нами будет.

На другой день нашу группу, собравшуюся в одном классе, стали распределять на работу. 10 человек, в числе которых оказался и я, направили в распоряжение кондукторского резерва станции Тамбов. Когда получил бумагу, задумался, почему направляют на работу, а только оттуда в армию. Лучше сразу идти в солдаты, минуя этот резерв.

Начальство кондукторского резерва нас приняло радушно. Не затягивая время, объявили, что 7 дней с нами позанимаются, а потом мы будем сопровождать воинские эшелоны. Отсеется лишь тот, кто после семидневных теоретических занятий не усвоит надлежащим образом пройденный материал.

Сопровождение воинских эшелонов - дело весьма ответственное. 9 человек «экзамен» выдержали, а одного отпустили «с богом».

Я считаю, что, попав в кондукторский резерв, мне немного повезло. Именно здесь работал мой наставник дядя Леша Загузов. Его жена вроде напорочила: она ведь говорила, что после окончания училища могу попасть туда, где работает дядя Леша. Получилось, что я, как и он, занимаем теперь одинаковые должности и пользуемся одинаковыми льготами как железнодорожники. В начале июля 1941 года я получил свидетельство о брони, которое освобождало меня от призыва в армию.

Моя трудовая деятельность длилась всего три месяца, но и за такое короткое время я насмотрелся на ужасы войны, будучи вдали от фронта. На Запад мне пришлось сопровождать воинские эшелоны, а в обратном направлении шли поезда, вагоны которых (в основном товарные) заполняли беженцами и эвакуированной техникой. При одном упоминании тех дней по телу идут мурашки, и горестно становится на душе. Представьте на минуту, что Вы то лицо, которым я был те три месяца. Вагоны до отказа забиты стариками, женщинами и детьми. В вагонах нет никаких удобств. На любой станции, на которой остановился такой эшелон, люди, выскакивают из вагонов и бегут врассыпную: кто за водой, кто за продуктами, а большинство - справиться нужду. Они, эти эвакуированные люди, рассказывают местным жителям о немецких бомбежках, об их поспешном наступлении и зверствах. Этим самым беженцы сеяли панику далеко в тылу.

Как неожиданно началась моя трудовая деятельность, также неожиданно она и закончилась. Как сейчас помню, 10 октября, вернувшись из очередной поездки, нарядчик кондукторского резерва поразил меня: «Завидов, вот тебе приглашение в Тамбовский горком комсомола. Уже два раза звонили и спрашивали, не забыл ли я вручить тебе приглашение». Приглашение было отпечатано на пишущей машинке и очень короткое по своему содержанию: не позже 10 октября я должен (именно должен) явиться в горком комсомола на беседу. О чем со мной собирались беседовать, я не догадывался. В этот день я решил отдохнуть после праведных трудов. Поездка до станции Кочетовка с одним эшелоном и в обратном направлении другим эшелоном длилась около 18 часов без сна. Решил: отосплюсь, а завтра утром поеду.

Горком комсомола располагался недалеко от дома, в котором я жил у Загузовых - двадцать минут пешком. Когда туда пришел, там было еще 8 человек, которые оказались для меня совершенно незнакомыми. У них при себе были тоже такие же приглашения, но никто толком не знал какова цель нашего визита. Прошло около часа. Нас пригласили в кабинет секретаря горкома комсомола, и он вручил нам не приглашения, а повестки о явке на следующий день в Тамбовский обком комсомола. Зачем? Просочилась версия: будут уговаривать идти на фронт. Зачем, спрашивается, уговаривать, если есть военкомат, он присылает в таких случаях повестку, в которой четко прописано, что надо явиться с вещами, продуктами на три дня, так как конкретное лицо призывается в армию.

В обкоме комсомола, таких как я, собралось более пятидесяти человек. Были из всех городов Тамбовской области: Мичуринска, Моршанска, Кирсанова, Котовска, Инжавино, Рассказово и прочих рангом пониже. Всех нас пригласили в зал заседаний, дали по листу бумаги и карандашу. Прежде чем что-то написать, нас спросили:

- Вы все знаете, что идет война?
- Да, знаем.
- Почему же вы не на фронте? Каждому из вас более 19 лет и в такие ваши годы надо служить в армии.
- У нас бронь. Мы не подлежим призыву, так распорядился товарищ Сталин.
- Уходите на фронт добровольцами, если вы действительно хотите защищать свою Родину с винтовкой в руках.

Никто и ничего против не сказал. Тогда он стал диктовать, а мы писать: горим желанием защищать Родину, а потому отправляйте нас на фронт добровольцами.

На увольнение с работы и сборы нам отвели три дня. Дядя Леша, узнав о моем уходе на фронт, посоветовал: «Ты, сынок, сначала езжай домой. Скажи родителям о своем призыве. Оденься в то, что похуже. Если у тебя останется после этого время, оформишь увольнение. Если не останется, уволят и без тебя». Поступил так, как дал совет мой наставник.

Своим родителям я объявил, что меня отправляют в командировку, а не в армию. Мне не хотелось «убивать» свою мамочку. Хотя и «командировка» ее огорчила. Из дома до станции Сабурово меня отвез отец. В пути следования он сказал мне, что он уверен: меня отправляют не в командировку, а в армию. Он догадался потому, что я оделся в самую драную одежду, а продуктов взял побольше. Догадливым и мудрым был мой папаня. Не имея никакого образования и живя в сугубо сельской местности, он обладал даром психолога. Не только мой отец, но в нашем поселении были и другие мудрые и рассудительные мужики. Как правило, они говорят неспешно, как бы взвешивая каждое слово. Именно от них большинство сельских ребят набирались ума и порядочности.

С торбою на спине пришел на другой день в обком комсомола. Толкались по коридору часа три, пока явились все, которые желали добровольно идти на фронт. Вскоре пришел старший лейтенант (фамилию уже не помню, но что он из областного военкомата - это точно), по имеющемуся у него списку проверил все ли прибыли и шагом марш на вокзал. Примерно через час подошел поезд Москва - Астрахань, которым доехали до Саратова. Там сделали остановку. Утром следующего дня сели на другой поезд, которым добрались до пункта назначения - станция Еруслан. Тогда это была территория АССР Немцев Поволжья, а теперь - Саратовская область. Так я оказался в учебном батальоне 2-го Запасного воздушно-десантного полка, так началась моя воинская служба.

В первый же день мы прошли медкомиссию. Обращалось особое внимание на зрение, сердце и ноги. Как нам говорили: глаза должны хорошо видеть, сердце биться, а ноги на лыжах и пешком носиться. Меня признали годным по всем параметрам и остригли наголо.

Начались бесконечные занятия. Из нас, курсантов учебного батальона, готовили не просто десантников, а вдобавок ко всему - младших командиров. Днем строевая подготовка, воинские уставы и наставления, материальную часть оружия и парашютов, топография, подрывное дело, прыжки с вышки высотой 3 метра и с парашютом с аэростата и самолета. Примерно через месяц нас начали почти регулярно поднимать «в ружье» и гоняться по степной местности за диверсантами, которых засылали немцы в столь глубокий тыл на самолетах.

Может возникнуть вопрос, где в то время был фронт, и на каком расстоянии от него находилась территория вокруг станции Еруслан? Я уже упоминал, что до начала войны было поселенье немцев, получившее название АССР Немцев Поволжья. Оно было немаленьким по территории. Я могу назвать город Энгельс, что на левом берегу Волги, городишко Урбах, ну и станция Еруслан. Все они имели названия немецкого происхождения. Фашистская Германия рассчитывала: немцы, где бы они не находились, остаются немцами. В данном случае, забрасывая диверсантов, фашисты рассчитывали на помощь немцев, осевших в Поволжье, в организации военных отрядов и создании паники в глубине нашей страны. Редко, но диверсантов приходилось задерживать живыми. Чаще их убивали в воздухе, когда до приземления оставалось метров 10 или того меньше. Участвуя в поимке диверсантов, мы считали, что примерно такая же участь ожидает и нас при заброске в немецкий тыл. Разница лишь в том, что немецкие диверсанты сбрасывались на чужую территорию, а нас будут десантировать на свою. Такую участь мне пришлось испытать, как говорят шутники, на «собственной шкуре».

Время военное и нас учили по-военному коротко, но ясно. Совершили по пять прыжков, поносили эти дни по 8 килограммов на плечах вещмешок, наполненный сухим песком, и готовые сержанты. А, коль учеба закончилась, нам нужны солдаты-десантники. Поэтому бывших курсантов отправили в село Семеновка, расположенное на берегу реки Еруслан. Здесь не было немцев. А все село сплошь украинцы, которые говорят на своем родном языке. Здесь я ежедневно видел мирных жителей, прекратились ночные подъемы и я даже успел познакомиться с девушкой по имени Тоня и по воле судьбы просидел 2 дня «на губе» (самовольная отлучка).

Случился казус и на гауптвахте. Не хотелось об этом писать, но что было, то было, чего греха таить. После отбоя, уложив свое отделение ко сну, решил сбегать к Тоне, так как со дня на день ожидали отправки на фронт. Но надо же такому случиться: в роту после отбоя нагрянул ротный командир, который и обнаружил мою самоволку. Утром вызвал меня и приказал дневальному отправить меня на эту самую «губу». Находилась она в сарае одного сельского жителя недалеко от Тониного дома. Она узнала, где меня

держат взаперти, и с наступлением темноты пришла в этот сарай, «губу» охранял часовой с винтовкой, но она его соблазнила тем, что принесла полную тарелку вареников и в придачу пол-литра самогона. В сарае на соломе уселись трое: я, часовой и еще один «арестант». Осушили бутылочку, скушали вареники, и завалилась вся троица спать. Через три дня нас отправили поближе к фронту.

До города Ногинска ехали в воинском эшелоне, состоящем из товарных вагонов-теплушек. Такие вагоны назывались теплушками потому, что в них установлены чугунные печи и имелись нары в два этажа. Всю дорогу пели песни, чтобы не печалиться раньше времени.

В Ногинске нас разместили в школе, которую до нас занимал госпиталь. С приближением немцев к Москве, этот госпиталь эвакуировали в глубь страны, подальше от фронта. Еще в учебном батальоне сошлись характерами 5 человек: Костя Нечин и Степан Щугарев из Мичуринска, Валентин Михайлов (до призыва жил в Саратове), Вася Рогоцкий (Ворошиловоградская, ныне Луганская область Украины), и я. Впятером мы заняли уголок в классе, который оказался свободным.

Ожидая отправки в тыл, мы вроде были бездельниками. В один прекрасный день Михайлов отыскал бутылочку с жидкостью. Этикетки на ней не было, но закупорена так, как будто получили в аптеке. Он собрал нас и объявил, что, по его мнению, в бутылочке спирт. Коль в школе до нас был госпиталь, то содержимое бутылочки имеет отношение к медицине. Решили откупорить и понюхать: ощущался запах спирта. Михайлов предложил выпить по-тихому и до обеда. Каждый эту бутылочку понюхал. Все подумали, что нашелся спирт.

Первым приложился тот, кто нашел жидкость, вторым был Щугарев, я - третьим. Сделал один глоток и больше не смог. Жидкость оказалась не спиртом, а каким-то лекарством. Тот, кто пил первым, тому быстрее всех стало плохо: горело внутри. Какое-то время спустя у меня появилась рвота. Этим все и кончилось. Легко отделался потому, что сделал один глоток. Михайлову и Щугареву наши врачи промывали желудки. Их чуть не обвинили в том, что они проявили трусость, чтобы избежать десантирования в тыл немцев. Но, слава Богу, обошлось тем, что получили от выпитого.

В Ногинске пробыли недолго. Каждому десантнику независимо от чина и ранга выдали парашют ПД-41-1 и трехсуточный паек парашютиста, автомат и патроны, толовые пашки и гранаты. Все полученное уложено в вещмешок, который вместо запасного парашюта крепится на груди десантника с помощью лямок. Нам было непонятно, как можно совершить прыжок без запасного парашюта?

Настал день, когда все приготовления были закончены. Ночью нас подняли по тревоге и пешком на аэродром. Был это январь 1942 года. Та зима была морозная и снежная. В ночное время мороз достигал 40 С, а снега - выше колен. Уселись в самолет, но не взлетаем, ибо поднялась пурга, и расчищенную полосу для взлета мигом занесло снегом. Минут через 30 - отбой. Возвращаемся назад.

Точно также закончилась и вторая попытка. У всех настроение боевое, но ничего не поделаешь - погода нелетная. Такой зимы, какая была в декабре 1941 и в январе 1942 года, больше на моем веку не было. Не было тогда ни таких самолетов, ни техники, которая имеется сейчас. Поэтому от капризов природных явлений зависело: летим или сидим. Десантирование состоялось только с третьей попытки.

В каждом самолете по 25 человек. Сидим и молчим. В ушах слышен шум двигателей. Линию фронта преодолели благополучно. Я, например, не видел и не слышал, чтобы по нам немцы падали из зениток, и не видел немецких истребителей. Покинули самолет молча по команде: «следующий пошел». В этот момент, исчисляющийся секундами, десантник должен вытяжной трос зацепить карабином (не винтовка, а так называется защелка с замком) за трубу, идущую внутри самолета, и только после можно прыгать ногами вперед. Десантирование прошло удачно, и приземлились в заданном районе, на опушке леса, где горели костры.

Наш разведывательный взвод приземлился кучно и без происшествий. Только собрали парашюты, появились три человека, ожидавшие наше приземление. Среди них был один военный без знаков различия и два местных жителя. После обмена паролями вдруг появилась пара лошадей, запряженных в сани. Туда мигом погрузили наши парашюты и также мгновенно исчезли в неизвестном направлении. За остаток ночи мы оборудовали землянку, прозванную лисьей норой. Под кроной двух елей расчищается снег до земли. Снег саперной лопаткой режут снеговые кирпичи, из которых выкладываются стены высотой метра полтора. Над стенами делают односкатную крышу из тех же елей. На полу постелили лапник ели, положили сверху плащ-палатку, и жилье готово. В такой хате не совсем тепло, но тихо и можно подремать.

Прошло столько лет, но иногда я ощущаю тот страх, который испытывал при пересечении линии фронта и особенно тогда, когда покинул самолет и благополучно приземлился. Чего греха таить, все мы, когда проходили службу в учебном батальоне, гонялись за немецкими диверсантами, а потому полагали, что подобная участь поджидает и нас.

Постараюсь объяснить с позиции тех и нынешних дней цель операции. После разгрома немцев под Москвой (это был конец декабря 1941 года) конница корпуса генерала Белова сумела прорваться в тыл немцев и своими смелыми действиями не давала фашистам покоя. Время шло, конница несла потери и лошадьми и людьми, а возвратиться к своим не было сил и средств. Нашу 214 Воздушно-десантную бригаду перебрасывали в тыл немцев для того, чтобы мы соединились с конницей Белова, общими усилиями помогли нашим воинским частям, наступающим с фронта, освободить левобережную часть реки Днепр Смоленской области. В таком случае Москва оказалась бы в наибольшей безопасности от ее захвата немцами. К сожалению, эта задача не была полностью выполнена. Это был тяжелый 1941 год.

Люди, годы, университет...: сб. материалов к 140-летию БелГУ: Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. - С. 79-85.